

Гришаева Людмила Ивановна

Воронежский государственный университет,
Россия, 394006, г. Воронеж, Университетская пл., 1
grischaewa@rgph.vsu.ru

Межтекстовые и интертекстуальные связи как проявление диалога текстов

Для цитирования: Гришаева Л. И. Межтекстовые и интертекстуальные связи как проявление диалога текстов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература.* 2019, 16 (2): 172–187. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.202>

В статье речь идет о диалоге текстов. Это метафорическое обозначение, называющее гетерогенные явления, обладающие разной сущностью, разным функциональным потенциалом, различными свойствами и распознаваемые по разнородным признакам. Диалог текстов предлагается описывать под разными углами зрения: тематическим, номинативным, когнитивным, функциональным, интенциональным. Это касается и маркеров диалога текстов, которые характеризуются также с разных позиций: когнитивной, интеракциональной, языковой (в том числе, структурной), текстограмматической. Диалог текстов описывается как одно из наиболее характерных проявлений коммуникативных практик в современной языковой культуре. Обсуждаются последствия диалога текстов в языковой культуре, в качестве которых рассматриваются также гипертексты в компьютерно-опосредованной коммуникации и новые коммуникативные образования в медиaprостранстве — множества (совокупности) текстов разного типа, называющих в одной или нескольких языковых культурах одно и то же медиасобытие. Разграничиваются межтекстуальные и интертекстуальные связи: первые интерпретируются как более широкие по сравнению с последними. Называются основания и критерии, по которым предпринимается разграничение на отдельные группы и подгруппы связей между текстами. Предлагается типология внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей, учитывающая содержательные и формальные параметры, дифференцируемые далее в зависимости от среды проявления, и способы бытования того или иного типа связей в текстовом пространстве. Раскрываются когнитивные основания для распознавания диалога текстов. Обсуждаются причины и последствия распространения диалога текстов в современных коммуникативных средах. Соответствующие рассуждения иллюстрируются разнородными примерами из разных языковых культур, что позволяет интерпретировать диалог текстов как универсальный феномен, который, однако, проявляется по-разному в каждой языковой культуре.

Ключевые слова: текст, текстуальность, средства установления связности в тексте, типология связей, функции связей.

Постановка проблемы и задачи исследования

Осознавая, что обозначение «диалог текстов» — метафора, довольно точно схватывающая сущность изучаемого явления, необходимо помнить о том, что диалог, диалогическая речь — это «форма (тип) речи, состоящая из обмена высказыва-

ниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта» [Винокур 2000: 135]. Описываемый феномен можно выявить в самых разных условиях и средах, так как его проявления гетерогенны и явно обладают разными сущностью, функциональным потенциалом, свойствами и распознаются по разнородным признакам. В качестве примера диалога текстов можно назвать:

- первичные и вторичные тексты: художественное произведение и рецензии на него, диссертация и отзыв на нее, текст и рефераты разного типа по нему, текст и аннотация к нему, текст и переводы на него;
- выступление на конференции и вопросы к нему;
- монография с эксплицитным и имплицитным цитированием (анализом) разных позиций;
- тезисы, представляющие точку зрения на некоторую проблему;
- сериалы, регулярные для телесетки программы, ток-шоу и пр.

Думается, вполне оправданно описывать как диалог текстов и гипертексты, так как последние возникают в процессе своего рода дополнения «основного» текста содержанием других, порожденных в иных коммуникативных условиях и для разных целей.

Диалог текстов приводит к появлению нового коммуникативного образования — множества (совокупности) текстов разного типа, называющих в одной или нескольких языковых культурах одно и то же медиасобытие (см. описание этого образования и систему аргументов в пользу предлагаемой трактовки в [Гришаева 2014; 2017]).

Примеры можно и продолжить, однако очевидно, что общим признаком, позволяющим изучать на единых основаниях столь разнородный материал, является содержательное и формальное взаимодействие разных текстов, так или иначе отражающееся на семантической и синтаксической текстовой структуре (см. подробный анализ разнородного языкового материала в [Гришаева 2014; 2017]). Поэтому очевидно, что диалог текстов можно описывать под разными углами зрения. И это важно изучать, поскольку тексты играют особую роль в культуре, что подчеркивают семиотики и культурологи [Assmann 2000; Posner 2003].

Маркеры диалога текстов как наиболее яркое проявление последнего следует описывать также с разных позиций. В первую очередь, однако, необходимо назвать маркеры, обладающие очевидными текстограмматическими потенциами: ментальная структура объективируемого в дискурсе события; способность соактивизировать комплекс сведений о мире, не имеющих прямого отношения с вербализуемой в конкретном тексте понятийной сферой; связь с характером решаемых коммуникантами когнитивной и коммуникативной задач; средства диалогизации отношений между текстами разной морфологической и синтаксической сложности и др.

Поскольку обсуждаемая проблема крайне дискуссионна, в данной публикации целесообразно остановиться на наиболее явных средствах установления диалога текстов — на связях разных типов, благодаря которым можно проследить в содержательном и формальном отношении диалог текстов. Речь идет о внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связях. Описание сущности, функцио-

нального потенциала и критериев разграничения названных связей является задачей этой публикации.

В связи с высокой степенью дискуссионности обсуждаемой проблематики целесообразно подчеркнуть, что наши рассуждения представляют собой обобщение наблюдений над разными видами коммуникации: устной, письменной, компьютерно-опосредованной, — а также результатов анализа актуальных текстов разного типа. Поэтому акцент делается на обосновании предлагаемой точки зрения. В связи с тем, что соответствующие размышления базируются на общеизвестных и общепринятых положениях теории текста, в статье отсутствует анализ разных точек зрения и излагается позиция, следуя которой можно описывать на единых теоретических основаниях разнородные проявления диалога текстов.

Внутритекстовые связи как маркер текстуальности

Диалог текстов в коммуникации встречается в двух видах: содержательный и формальный. Содержательный диалог проявляется, например, в разнообразных тематических переключках в разных текстах, детализации или конденсации различных сведений либо в дополнении или опровержении, аргументировании или критике некоторой точки зрения. Формальный диалог текстов правомерно усмотреть, например, в том, как в разных коммуникативных условиях реализуется один и тот же тип текста, или в том, как в конкретной языковой культуре складываются конвенции порождения и рецепции текстов, либо при пародировании или сатире, ремейке или вариациях на тему и др.

И в том и в другом случае диалог текстов распознается по связям разного типа: внутритекстовым, межтекстовым, интертекстуальным. Разграничить типы связей можно, охарактеризовав их сущность, функциональную сферу и специфику функционального потенциала.

Начать описание целесообразно с характеристики внутритекстовых связей, поскольку их сущность — в создании текстуальности, функциональная сфера — текстема как неотъемлемая часть текста¹, сверхфразовое единство, макрокомпонент как совокупность СФЕ и текст в целом. Функциональный потенциал внутритекстовых связей довольно богат, варьируется от текста к тексту в весьма широких пределах, хорошо и разносторонне описан.

Типы внутритекстовых связей распознаются по разным основаниям (см. матрицу 1, в которой не отражены такие параметры, как характер среды, в которой реализуются внутритекстовые связи, а также мощность их воздействия; представленные признаки можно дифференцировать по более тонким основаниям).

---

¹ Текстема не тождественна предложению, построенному по той же модели, тем, что последнее изолировано от конкретного текста, частью которого является текстема. Поэтому текстема отличается от изолированного предложения количественно (а именно числом актуализированных членов предложения) и качественно (а именно способами выражения структуры: простое или сложное [паратаксис, гипотаксис, главная или придаточная часть гипотаксиса], коммуникативным типом (а именно структурой: вопросительное, повествовательное, побудительное, оптативное и др.), типом информативной структуры (а именно типом тема-рематической прогрессии), способами выражения конкретного члена предложения [одна словоформа, группа слов той или иной структуры, финитная конструкция] и др.). Это, естественно, сказывается на связях текстемы с пред- и пост-текстом.

Матрица 1. Типология внутритекстовых связей

Тип связи		Основания					
		логические	лексико-семантические	морфологические	синтаксические	словообразовательные	структурные
Анафорические	контактные						
	дистантные						
Катафорические	контактные						
	дистантные						

Формулировать обобщения в форме матрицы целесообразно в силу многофакторности анализа, разнонаправленности влияния гетерогенных факторов, учитываемых при анализе, многоаспектности и комплексности самого разбора, а также возможности объективировать значимые корреляции между влиянием разнородных факторов на функционирование языковых средств и на процессы порождения и рецепции текстов.

Контактные и/или дистантные внутритекстовые связи возникают между разными компонентами текста, т.е. в среде разной степени структурной сложности: в пределах текстемы, СФЕ, макрокомпонента, в тексте (о соотношении микро- и макротекстового анализа и об объяснительной силе последнего см. подробнее в [Гришаева 2014]). В пределах текста внутритекстовые связи возникают между контактно и/или дистантно расположенными в тексте текстемами, СФЕ, отдельными словоформами с разными морфологическими и/или словообразовательными характеристиками, синтаксическими структурами, стилистическими фигурами, а также компонентами словообразовательных структур.

Основания, по которым возникают и распознаются реципиентом внутритекстовые связи, также различны и многократно описаны на разнородном языковом материале: характер тема-рематической прогрессии, идентичность референта, морфологическая, синтаксическая, словообразовательная, лексическая, логическая семантика, реализация/нереализация валентных свойств, сочетательные потенции единиц, структурные связи (управление, примыкание, согласование), функции стилистических фигур, знание о мире, выводное знание и др.

Сфера функционирования внутритекстовых связей — текст как целостность, как интенциональное, функциональное, содержательное, структурное, тематическое единство независимо от его принадлежности к тому или иному типу, объема, тематики и иных параметров, значимых в текстограмматическом отношении, а также его неотъемлемые компоненты. Общие закономерности относительно внутритекстовых связей основательно описаны в специальной литературе с самых первых этапов развития теории текста, что отражают также и лингвистические словари (см. напр., [Bußmann 2002; Sprache 1993; и др.]), а также обобщающие проблематику теории текста труды (см., напр., [Beaugrande, Dressler 1993; Fix 2007; Heinemann, Heinemann 2002 и мн. др.]).

Мощность внутритекстовых связей, естественно, различна: их воздействие прослеживается в пределах одной или нескольких текстом, контактно или дистантно

расположенных, либо в пределах одного или нескольких СФЕ, а также тексте в целом. Ср. значимость внутритекстовых связей, распознаваемых благодаря фактологическому знанию и грамматическим закономерностям и в опоре на которые носитель языка может легко заполнить лакуны: *Теория _____ — филологическая дисциплина, возникшая во _____ 20 века на пересечении текстологии, лингвистики _____, поэтики, риторики, прагматики, герменевтики.*

Несмотря на сущностное сходство разнородных внутритекстовых связей как средств воплощения текстуальности, их конфигурация, выявляемая по разным основаниям, в каждом конкретном случае уникальна. Плотность внутритекстовых связей также различна, поскольку, к примеру, одна словоформа может устанавливать с другой контактные и/или дистантные связи по разным логическим, грамматическим и/или лексико-семантическим, тематическим, синонимическим, антонимическим, словообразовательным основаниям. Ср. эффективность анафорических и катафорических связей на основе морфологических и синтаксических закономерностей, а также в опоре на фактологическое знание: *В семиотике под _____ понимается осмысленная последовательность любых _____, любая форма _____.*

Межтекстовые связи как маркер диалога текстов

Ни один текст не порождается и не воспринимается в «безтекстовой» среде: и тематическая, и семантическая, и синтаксическая организации любого конкретного текста опираются на представления и знания, разделяемые полностью или частично всеми носителями языка и культуры. Каждый новый текст включается уже в процессе своего порождения в сеть разнородных межтекстовых связей, распознаваемых по разнородным критериям. Это происходит потому, что коммуниканты ориентируются на образцы семантической и синтаксической организации текстов определенного типа, конвенционально сложившиеся в языковой культуре. Ср. три текста-объявления, реализуемых одним предложением (примеры заимствованы из реальной коммуникации — надписи в маршрутных такси); эти тексты активизируют очевидные межтекстовые связи:

- *Кто стукнет дверь, тот станет льготником!* (связь с инструкцией по льготам в общественном транспорте и в тексте-описании прав людей с ограниченными возможностями);
- *Чем тише говоришь, тем дальше проедешь!* (связь с пословицами);
- *Остановка «Где-нибудь здесь» будет где-нибудь там* (связь с текстами, бытующими в повседневной коммуникации).

Критерии, по которым предпринимается разграничение связей между текстами, т.е. межтекстовые связи, на отдельные группы и подгруппы, можно представить следующим образом (матрица 2). Названные группы более тонко дифференцируются в соответствии с особенностями выделяемых групп.

В качестве пояснения к матрице 2 необходимо подчеркнуть, что когнитивные основания значимы потому, что в двух или более связанных между собой текстах активизируются сведения о мире из одной конкретной понятийной сферы с опре-

Матрица 2. Типология межтекстовых связей

Объект	Основания для установления связей			
	когни- тивные	интеракцио- нальные	языковые	текстограм- матические
Текстема				
СФЕ				
Макрокомпонент				
Текст				
Множество тематически связанных текстов				

деленной ментальной структурой либо имеет место апелляция к картине мира в целом или к конкретному сложно организованному фрагменту картины мира.

Интеракциональные знания важно учитывать потому, что тексты являются результатом деятельности, осуществленной с помощью языка как культурного кода, в которой закономерным образом в строгой последовательности сочетаются речевые и неречевые действия, о чем убедительно свидетельствуют многолетние и многочисленные прагмалингвистические исследования на примере разных языковых культур. Поэтому знание структуры той или иной интеракции становится основой для реципиента при осмыслении в конкретной языковой культуре некоторого высказывания, например как ответа на поставленный вопрос, даже если в ответе на первый взгляд нет прямой содержательной связи между пропозициями: *Сколько кусочков сахара? — Я на диете.*

Объяснить это можно, вспомнив серию экспериментов, проведенных когнитивными психологами, нацеленных на выявление механизмов памяти. Так, Фр. Кликс пришел к выводу о том, что у многоместных глаголов, кодирующих информацию и связи между понятиями, имеется латентная со-активация отношений аргументов с соответствующими между ними отношениями [Klix 1984: 14]. Фр. Кликс утверждает, что понятия в памяти кодируются через их признаки, кодирование фиксирует не сами понятия, а определенный тип отношений между понятиями [Klix 1984: 15], что в памяти присутствуют понятийные конфигурации, сводимые затем к образованиям более высокого уровня абстракции [Klix 1984: 69]. Именно поэтому коммуникант, используя то или иное слово как средство объективации сведений о мире, одновременно активизирует весь набор признаков, которыми обладает соответствующее понятие в памяти [Klix 1984: 69 и далее].

Насколько тесными являются связи между когнитивными, интерактивными, языковыми закономерностями, языковыми и неязыковыми знаниями в одной ментальной структуре, показал, обобщив свои наблюдения, Й. Дице (схема 1).

Маркеры, обусловленные уровнем владения языковыми знаниями, можно также распределить по группам и подгруппам, коррелирующим с механизмами вербализации сведений о мире: лексико-семантическим, словообразовательным, морфологическим, синтаксическим, формально-структурным, текстограмматическим.

Схема 1. Фрейм «Прием пищи» [Dietze 1989: 122]

Сценарий:	прием пищи
Участник:	животное
Предмет:	растение
Условие:	голоден
Результат:	не голоден
Процесс:	1 — ищет пищу; 2 — находит пищу; 3 — принимает пищу. нем. <i>frisst</i>

Последние целесообразно выделить в отдельную группу, поскольку знания о принципах организации текстов разных типов подчиняются в разных условиях особым законам наряду с закономерностями использования разноуровневых языковых средств. Знания о принципах организации текстов разного типа дифференцируются в содержательном, формальном, функциональном отношении (ср. мнение У.Фикс о вкладе знания о текстах разного типа / Textsortenwissen при порождении и рецепции текста [Fix 2008: 115]).

Текстограмматические знания распределяются на подгруппы текстосемантических и текстосинтаксических знаний с дальнейшей их дифференциацией по более тонким основаниям. Стоит также принять во внимание, что в разных типах текста структура номинативных, коннотативных, акциональных цепочек, тип тема-рематической прогрессии не тождественны. Причина в том, что эти разнородные образования «прошивают» весь текст, который представляет собой коммуникативное целое, реализуемое через последовательность макрокомпонентов в целом (см. подробнее [Гришаева 2014]). Очевидно, что в разных типах текста принципы текстосемантической и текстосинтаксической организации текстовой ткани специфичны. Следовательно, и конфигурация межтекстовых связей одного и того же типа не будет совпадать с таковой в разных типах текста — достаточно вспомнить различия между близкими друг другу текстами, относящимися к одному классу нарративов: рассказом, новеллой, повестью, романом, балладой, эпосом.

В значимости связей, распознаваемых благодаря языковым знаниям, можно убедиться, если вспомнить, насколько тесно взаимодействуют синтаксические механизмы вербализации сведений о мире с профилированием комплекса сведений, объективируемых с помощью языковых средств. Ср. потенциально возможные обозначения разными способами одной и той же пропозиции. Важно учитывать, что при этом вербализуемое содержание членится по-разному синтаксической, семантической структурой, тема-рематическим членением, порядком следования членов предложения, способом выражения одного и того же члена предложения и др., что сказывается на результате рецепции активизируемых языковыми средствами сведений о мире: *серебро реки — Река серебряная — Река серебрится; Петя — хулиган — хулиганистый Петя — Петя хулиганистый — Петя хулиганит — Петя ведет себя, как хулиган — Петя безобразничает — Петя нарушает все мыслимые и немыслимые правила поведения; Маша дает Пете карандаши — Петя получает от Маши карандаши; Закон подписывается — Закон подписывают — подписанный закон — Я подписываю закон — ... — Мне подписать закон? — Закон подписать? —*

Подписывать закон? и т. д. Ср. также разные способы объективации сведений об одном и том же событии (напр., нарушение правил дорожного движения) разными типами текста: анекдотом, сказкой, протоколом допроса, рассказом в прозе или стихотворной форме, новеллой, романом и пр.

Анализируя межтекстовые связи, результатом которых становится очевидный содержательный и/или формальный диалог текстов, необходимо помнить о том, что, во-первых, межтекстовые связи дословно суть интертекстуальные; во-вторых, интертекстуальность как феномен трактуется по-разному — ср. хотя бы обобщение представлений в словарях [Sprache 1993: 279; и мн. др.] (см. более подробный анализ разных точек зрения на интертекстуальность, напр., в [Гришаева 2004; 2012]). Так, А. Богранд и В. Дресслер, называя семь признаков текста в качестве основополагающих, считают интертекстуальность одним из конститутивных принципов коммуникации с помощью текстов, которая рушится, если эти принципы не соблюдаются [Beaugrande, Dressler 1981: 13ff]. М. Хайнеманн и В. Хайнеманн полагают, что критерий текстуальности «интертекстуальность» отражает связь одного текста с любыми другими [Heinemann, Heinemann 2002: 108] и его следует соотносить с критерием «дискурсивность», отображающим связь между отдельными текстами в некотором структурированном множестве текстов [Heinemann, Heinemann 2002: 108, 109]. Трактовка интертекстуальности как свойства текстов, из-за которого порождение и восприятие одного текста зависят от знания другого или других текстов [Bußmann 2002; Sprache 1993: 279], побуждает вспомнить о таком феномене, который в отечественных трудах известен как прецедентный; ср. характеристику Ю. Н. Карауловым прецедентного текста или прецедентного феномена: значимость в познавательном или эмоциональном отношении; сверхличностный характер; многократность обращения в культуре к таким текстам [Караулов 1987: 216]. Поэтому незнание прецедентных текстов «есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [Караулов 1987: 216].

В-третьих, сопоставление трактовок интертекстуальных связей убеждает в том, что они обладают разным потенциалом в зависимости от степени обязательности/факультативности для эффективной коммуникации. Отсюда очевидна целесообразность трактовки интертекстуальности и как категории текста, и как проявления диалога текстов, благодаря чему создаются тексты более содержательные, чем это происходит без со-активизации связей с другими текстами. Причина в том, что интертекстуальные связи, базирующиеся на прецедентных феноменах, способны со-активировать значительный пласт разнородных сведений, не имеющих прямого отношения к сведениям, объективируемым механизмами вербализации в конкретном текстовом пространстве. Из сказанного вытекает необходимость разграничивать межтекстовые и интертекстуальные связи, поскольку они обладают разной сущностью и вследствие этого — разным функциональным потенциалом, разной сферой функционирования и разным по эффективности воздействием на реципиента.

Обобщая, следует подчеркнуть генетическое родство внутритекстовых и межтекстовых связей. Главное их отличие заключается в мощности (ср.: пространство текста, имеющего более или менее строго маркированные содержательные и формальные границы, с одной стороны, и пространство культуры или субкультуры с диффузными границами между коммуникативными образованиями — с другой)

и сфере функционирования связей (ср.: компоненты текста разной степени структурной и содержательной сложности, с одной стороны, и дискурс [или, точнее, разные форматы дискурса в целом] — с другой). Очевидно, что

- плотность межтекстовых связей различна и зависит от многих факторов, главные из которых — это те, которые обусловлены значимостью текста в культуре и/или субкультуре;
- тексты вступают в «диалог» в содержательном и/или формальном плане, что в том числе и отражает типология текстов (ср., например, первичные и вторичные тексты, классы текстов и пр.);
- маркеры межтекстовых связей сводимы в две группы: в первую войдут связи тех же типов, о которых идет речь при анализе внутритекстовых связей, во вторую — связи, устанавливаемые между текстами как целостностями;
- в разных типах текста активными являются различные маркеры межтекстовых связей, организуемых по разным основаниям в отдельные группы и подгруппы, соотносимые с типами внутритекстовых связей;
- главное отличие межтекстовых связей от интертекстуальных заключается в том, что неумение коммуникантов распознавать межтекстовые связи не сказывается негативно на осмыслении текста. Напротив, неумение распознавать интертекстуальные связи неизбежно обуславливает изменение содержательной интерпретации текста реципиентом, т. е. адресант в конечном итоге не получает планируемого эффекта от порождаемого им текста.

Интертекстуальные связи как средство активизации аксиологически значимых сведений о мире

Описывая интертекстуальные связи, способствующие возникновению диалога текстов, необходимо еще раз обратить внимание на разные трактовки интертекстуальности:

- а) связь между текстами в пределах одной культуры;
- б) связь между конкретными текстами одного типа и культурно специфическим образцом организации этого типа;
- в) связь с претекстами, имеющими свои следы в конкретном тексте или как-либо иначе (см., напр., комментарий в специальных словарях [Wißmann 2002: 317; Sprache 1993: 279] или довольно развернутый анализ генезиса интертекстуальности как семиотической, литературоведческой и лингвистической научной категории, а также таксономию интертекстуальности в [Fix 2008: 31–46]) (см. также выше).

Поэтому в целях более точного описания диалога текстов предлагается разграничить межтекстовые и интертекстуальные связи, интерпретируя первые как более широкие по сравнению с последними и не забывая при этом про внутритекстовые связи, выявляемые по разным основаниям (см. выше). Подобное решение вытекает из очевидных различий в сущности связей обсуждаемых типов, целей, для достижения которых коммуникант предпочитает обращаться к специфическим номинативным средствам — прецедентам. Такие средства активируют сведения, разделяемые всеми носителями языка и культуры, и имеют причинные связи с цен-

ностными ориентациями, актуальными в конкретной языковой культуре. Способы бытования такого рода средств не играют особой роли для реализации функционального потенциала связей обсуждаемого типа; ср.: *Я уже встречался с этим человеком — Я знаю этого человека — Рад Вас видеть, Анна Павловна* (= «обычные» номинации) — *Ба, знакомые все лица!* (= прецедентный феномен) как средства обозначения одной и той же ситуации с разным потенциалом воздействия.

Целесообразность предпринимаемого разделения можно показать через сравнение двух словосочетаний: *сокрушительная победа — сокрушительное поражение*. Если первое можно интерпретировать либо как ошибку (нарушение семантической избирательности), либо как сознательное решение коммуниканта (использование стилистической фигуры для достижения определенной цели), то второе — нет. Однако оба могут использоваться разными коммуникантами в разных условиях как средство межтекстовых связей. Между тем в актуальных условиях словосочетание *сокрушительная победа* обладает потенциями превращения в прецедентный феномен и тем самым — в средство реализации интертекстуальных связей, что из-за конвенциональности словосочетания *сокрушительное поражение* не может быть или крайне маловероятно.

Необходимость разграничения межтекстовых и интертекстуальных связей обусловлена увеличением ценности текстов, порождаемых в современных условиях, возрастанием плотности связей между текстами в дискурсах разных форматов, потребностью в конденсировании информации, возрастанием значимости в коммуникации коллективной идентичности коллективного субъекта и в силу этого знаний, разделяемых всеми носителями языка и культуры, а также появлением новых коммуникативных образований как в традиционных коммуникативных средах, так и в принципиально новых, которые развиваются параллельно с формированием конвенций осуществления коммуникации и организацией результатов коммуникации. Поэтому тексты разных типов либо адаптируются к бытованию в новой коммуникативной среде, либо возникают, обогащая коммуникативную практику в соответствующей среде.

Интертекстуальные связи играют особую роль не только при формировании коллективной идентичности носителей языка и культуры, но и при структурировании и переструктурировании сведений, входящих в картину мира каждого субъекта, а также при конструировании одного из возможных миров, в том числе и при манипулировании в самых различных целях.

Причиной особого функционала интертекстуальных связей следует признать то, что они активизируют сведения, конвенционально и устойчиво подводимые в языковой культуре под аксиологические категории. В подавляющем большинстве случаев эту функцию выполняют прецедентные феномены в трактовке Ю. Н. Караулова [Караулов 1987]. Будучи вторичным знаком, прецедентные феномены связывают комплексы сведений, активизируемые ими, с совокупностью сведений, вербализуемых в конкретном тексте, в котором бытует соответствующий прецедентный феномен. Тем самым содержание текста обогащается дополнительными смыслами, так как прецедентный феномен, с одной стороны, причинно связан с ценностными ориентациями, актуальными для коллективного субъекта, и, с другой — активизирует значительный фрагмент картины мира как сумму пропозиций. Поэтому реципиент, способный распознать прецедентный феномен, более глубоко

понимает и текст, и внеязыковую действительность и тем самым более полно интерпретирует многочисленные внутритекстовые, межтекстовые, интертекстуальные связи (ср. детальное описание функционального потенциала прецедентных феноменов в разных коммуникативных сферах через анализ разного эмпирического материала, например, в [Гришаева 1998; 2004; 2012]).

Мощность и высокая эффективность воздействия интертекстуальных связей базируется на том, что они активизируют отношения между комплексами первичных и вторичных изофункциональных средств как средствами реализации номинативных стратегий прямой, косвенной, аксиологической, дескриптивной идентификации разнородных объектов номинации. Владение этим номинативным богатством позволяет коммуникантам постоянно менять соотношение «когнитивный фон — когнитивная фигура», по-разному профилировать активизированный комплекс сведений о мире и по-разному концептуализировать эти сведения, а также варьировать структурирование информационного потока.

В дополнение к типологии интертекстуальных связей, учитывающей интенцию, тип идентичности (коллективная и/или личностная) субъектов коммуникации, формат взаимодействия [Гришаева 2004], можно предложить иную типологию потенциально вероятных интертекстуальных связей, чтобы акцентировать свойство последних как средства реализации диалога текстов (матрица 3).

Матрица 3. Типология интертекстуальных связей

Форма выражения и бытования в культуре прецедентных феноменов	Референт											
	объект		субъект		ситуация		комплекс ситуаций		реакция на ситуацию		характеристика	
	Культура											
	своя	чужая	своя	чужая	своя	чужая	своя	чужая	своя	чужая	своя	чужая
Лексема												
Группа слов												
Финитная конструкция												
Текст												
Множество текстов												

О значимости разграничения интертекстуальных и межтекстовых связей можно судить, например, по следующему тексту:

Knirschende Hymne
Einigkeit und aus Ruinen
Recht der Zukunft zugewandt,
Freiheit lass zum Guten dienen
 Deutschland einig Vaterland.
 Alte Not gilt es zu zwingen

Brüderlich mit Herz und Hand,
Danach lasst uns alle streben,
Und wir zwingen sie vereint.
Einigkeit und Recht und Freiheit
Dass die Sonne, schön wie nie,
Schein im Glanze unsers Glückes,
Über deutschem Vaterland [Arnold 1999: 5]²

Для человека, не знакомого с гимнами «старой» ФРГ и экс-ГДР, с историей Германии и историей гимна современной ФРГ, т. е. для того, кто не способен распознать межтекстовые (связи между разными текстами, значимыми в немецкой культуре) и интертекстуальные связи, этот текст «молчит» — однако внутритекстовые связи в приведенном тексте абсолютно не нарушены.

Диалог текстов

Очевидно, что с диалогом текстов каждый носитель языка и культуры в современных условиях встречается многократно и в разных формах: интерактивное телевидение, опрос по телефону, ток-шоу, не говоря уже о многочисленных и разнообразных пародиях, ремейках, проявлениях экфрасиса в художественной литературе, активном обращении к разнородным прецедентным феноменам, прямом и косвенном цитировании, «бродячих сюжетах», аллюзиях, игре слов и пр.

Акцентируя размышления, диалог текстов можно интерпретировать как такое содержательное и/или формальное взаимодействие семантической и синтаксической структуры двух или более текстов, благодаря которому в коммуникации имеет место со-активация сведений о мире, не связанных напрямую с вербализуемыми в порождаемом тексте сведениями, но без которых продуктивность коммуникации снижается (целесообразно в этой связи вспомнить теорию «чужого слова» М. М. Бахтина). В самом общем виде диалог текстов можно описать, ориентируясь на характеристики, частично обозначенные ниже в матрице 4. Это позволит исчислить наиболее значимые условия и параметры, необходимые для осмысления сущности диалога текстов и описания способов проявления последнего.

Диалог текстов реализуется либо осознанно, целенаправленно (например, при порождении разнообразных научных текстов), либо в коммуникации это получается случайно и/или неосознанно. Относительно интертекстуальных связей следует заметить, что они не все распознаются реципиентом, однако незнание прецедентных феноменов как проявление интертекстуальных связей обуславливает снижение качества результата коммуникации (более или менее успешно, более или менее продуктивно), не приводит к негативному коммуникативному результату в целом или какому-либо сбою. Изучение диалога текстов не может не предполагать учета актуальных тенденций, свойственных бытованию различных текстов в разных коммуникативных средах. Это, очевидно, сказывается на стилистической гетерогенности и размывании границ между разными текстами, оформляемыми

---

² Примечание: разными шрифтами помечены слова из обоих гимнов: шрифтом Minion Pro — слова из «Lied der Deutschen» («Песня немцев»), шрифтом Myriad Pro — гимн ГДР. Подчеркнуты слова, встречающиеся в обоих гимнах.

Матрица 4. Типология диалога текстов

Способы проявления связей	Связи между текстами		Коммуникативная среда		
			устная	письменная	компьютерно-опосредованная
	тип связи	количество связей	форматы общения	типы текста	форматы общения
Содержательные	межтекстовые	единичные			
		множественные			
	интертекстуальные	единичные			
		множественные			
Формальные	межтекстовые	единичные			
		множественные			
	интертекстуальные	единичные			
		множественные			

согласно тем или иным принципам в разных функциональных стилях, т. е. на изменении способов проявления диалога текстов.

Современная коммуникация богата свидетельствами интенсификации диалога текстов, что делает изучение последнего особо значимым и интересным, особенно если принять во внимание увеличение межкультурных контактов, при которых значимые для адресанта связи с другими текстами адресат либо не распознает вообще, либо интерпретирует некорректно. Это, очевидно, чревато многочисленными сбоями в коммуникации и даже конфликтами или иными нежелательными проявлениями непонимания или недопонимания. Изучать, каким образом (т. е. какими средствами и какими способами) реализуется диалог текстов, требуется уже только потому, что культурное пространство можно представить как совокупность текстов, закодированных средствами вербального и многочисленных невербальных кодов (ср. в этой связи исследования культурологов и сторонников трактовки текстов семиотиками).

Выводы

Диалог текстов, таким образом, — это содержательное и/или формальное взаимодействие текстов, являющееся результатом неоднородности и неконвертируемости процессов порождения и рецепции текстов, а также исходной и практически обязательной интерактивности этих процессов. Тексты — результат коммуникативной и речемыслительной деятельности коммуникантов как носителей языка и культуры, личностной и коллективной идентичности. Диалог текстов может быть разным: эксплицитным и имплицитным, осознаваемым коммуникантами или нет; коммуниканты могут выстраивать диалог текстов целенаправленно,

осознанно, намеренно, или это может быть случайным и неожиданным для обоих либо для одного из коммуникантов. Однако ясно, что без диалога текстов языковая культура не может существовать.

Диалог текстов имеет особое значение для процессов формирования коллективной идентичности носителей языка и культуры, а также для постижения закономерностей выбора конкретной личностью того или иного языкового средства из комплекса изофункциональных средств, которыми располагает языковая культура в определенном периоде своего существования.

Несмотря на крайне высокую степень гетерогенности проявления диалога текстов, его можно описывать на единых основаниях, отталкиваясь от положений теории текста. Маркерами диалога текстов являются многочисленные и разнородные межтекстовые связи, часть из которых — интертекстуальные — обладает особым функциональным потенциалом, специфической сферой бытования и особой природой.

Сформулированные выше обобщения могут быть полезны не только в общетеоретическом отношении, но и в прикладном, например в дидактической практике при обучении носителей языка порождению текстов разного типа на родном для обучающихся языке или на иностранном. Полезными такие обобщения могут быть также в поисках подходов при анализе, например, конвенционализации содержательной и формальной организации текстов того или иного типа, осмыслении принципов и способов варьирования текстов одного и того же типа в одной языковой культуре, а также в постижении того, как культурная специфика обуславливает организацию и функционирование текстов одного типа в разных языковых культурах.

Словари и справочная литература

- Винокур 2000 — Винокур Т. Г. Диалогическая речь. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. Ярцева В. Н. (ред.). М.: Большая российская энциклопедия, 2000. С. 135.
- Arnold 1999 — *Einigkeit und aus Ruinen. Eine deutsche Anthologie*. Arnold H. L. (Hrsg.). Göttingen: Fischer, 1999. 285 S.
- Bußmann 2002 — Bußmann H. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Alferd Kröner Verlag, 2002. 783 S.
- Sprache 1993 — *Sprache. Metzler Lexikon*. Glück H. (Hrsg.). Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler Verlag, 1993. 711 S.

Литература

- Гришаева 1998 — Гришаева Л. И. *Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов*. Воронеж: ВГУ, 1998. 148 с.
- Гришаева 2004 — Гришаева Л. И. Введение. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов). В кн.: *Феномен прецедентности и преемственность культур*. Гришаева Л. И. (ред.). Воронеж: ВГУ, 2004. С. 15–46.
- Гришаева 2012 — Гришаева Л. И. Интертекстуальность как фактор риска в переводческой деятельности. В кн.: *Язык, коммуникация и социальная среда*. Кашкин В. Б. (ред.). Вып. 10. Воронеж: ВГУ; Наука-Юнипресс, 2012. С. 46–68.
- Гришаева 2014 — Гришаева Л. И. *Парадоксы медиалингвистики*. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. 294 с.
- Гришаева 2017 — Гришаева Л. И. Тематически связанное множество медиатекстов: случайность или закономерность. *Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017, 3: 60–63.

- Караулов 1987 — Караулов Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука, 1987. 263 с.
- Assmann 2000 — Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München: Verlag Beck, 2000. 344 s.
- Beaugrande, Dressler 1981 — de Beaugrande R.-A., Dressler W.U. *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen: Niemeyer, 1981. 290 s.
- Dietze 1989 — Dietze J. *Einführung in die Informationslinguistik. Die linguistische Datenverarbeitung in der Informationswissenschaft*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1989. 195 s.
- Fix 2008 — Fix U. *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme, 2008. 506 s.
- Heinemann, Heinemann 2002 — Heinemann M., Heinemann W. *Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion — Text — Diskurs*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. 281 s.
- Klix 1984 — Klix Fr. *Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung*. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1984. 262 s.
- Posner 2003 — Posner R. Kultursemiotik. In: *Konzepte der Kulturwissenschaften*. Nünning A., Nünning V. (Hrsg.). Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler, 2003. S. 39–72.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2018 г.

Статья рекомендована в печать 14 декабря 2018 г.

Liudmila Ivanovna Grishaeva

Voronezh State University,
1, University nab., Voronezh, 394006, Russia
grischaewa@rgph.vsu.ru

Cross-textual and intertextual connections as manifestation of dialogue between texts

For citation: Grishaeva L.I. Cross-textual and intertextual connections as manifestation of dialogue between texts. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (2): 172–187. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.202> (In Russian)

The paper discusses dialogue between texts. This metaphor nominates heterogeneous phenomena which differ in nature, functional potential and properties and which can be defined by a variety of their characteristics. The dialogue between texts can be described from various perspectives: thematic, nominative, cognitive, functional, or intentional. The same applies to markers of textual dialogue. The markers can be characterized from cognitive, interactional, verbal (including structural), and grammatical points of view. The paper discusses consequences of dialogue between texts within a culture. Two examples of textual dialogues are: hypertextual organization of modern computer-mediated communication; and new textual entities that exist in mass media discourse and denote one and the same media event in one or several cultures. The author differentiates cross-textual and intertextual relations: the former are interpreted as a wider concept in comparison to the latter. The paper lists criteria according to which various groups and subgroups of textual relations are identified. The author creates a typology of intra-textual, cross-textual and intertextual relations, which takes into account both content-related and formal parameters that are further differentiated according to the environment in which a particular kind of textual relations exists. The paper describes cognitive fundamentals for the recognition of the dialogue between texts and discusses reasons for spreading dialogue between texts.

Keywords: text, textuality, means of coherence, typology of connections, functions of connections.

References

- Гришаева 1998 — Grishaeva L. I. *Armenia, Barbarossa, after all, we are from Brocken and others: German language and culture through the prism of German precedent texts*. Voronezh: Voronezh State University Press, 1998. 148 p. (In Russian)
- Гришаева 2004 — Grishaeva L. I. Introduction. Precedent phenomena as cultural bonds (to the typology of precedent phenomena). In: *Fenomen pretsedentnosti i preemstvennost' kul'tur*. Grishaeva L. I. (ed.). Voronezh: Voronezh State University Press, 2004. P. 15–46. (In Russian)
- Гришаева 2012 — Grishaeva L. I. Intertextuality as a risk factor in translation activities. In: *Iazyk, kommunikatsiia i sotsialnaia sreda*. Kashkin V. B. (ed.). Vol. 10. Voronezh: Voronezh State University Press; Nauka-Iunipress Publ., 2012. P. 46–68. (In Russian)
- Гришаева 2014 — Grishaeva L. I. *Paradoxes of medialinguistics*. Voronezh: Nauka-Iunipress Publ., 2014. 294 p. (In Russian)
- Гришаева 2017 — Grishaeva L. I. Thematic fuzzy set: randomness or regularity. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*. 2017, 3: 60–63. (In Russian)
- Караулов 1987 — Karaulov Iu. N. *Russian language and personality*. Moscow: Nauka Publ., 1987. 263 p. (In Russian)
- Assmann 2000 — Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München: Verlag Beck, 2000. 344 s.
- Beaugrande, Dressler 1981 — de Beaugrande R.-A., Dressler W. U. *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen: Niemeyer, 1981. 290 s.
- Dietze 1989 — Dietze J. *Einführung in die Informationslinguistik. Die linguistische Datenverarbeitung in der Informationswissenschaft*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1989. 195 s.
- Fix 2008 — Fix U. *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme, 2008. 506 s.
- Heinemann, Heinemann 2002 — Heinemann M., Heinemann W. *Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion — Text — Diskurs*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. 281 s.
- Klix 1984 — Klix Fr. *Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung*. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1984. 262 s.
- Posner 2003 — Posner R. Kultursemiotik. In: *Konzepte der Kulturwissenschaften*. Nünning A., Nünning V. (Hrsg.). Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler, 2003. S. 39–72.

Received: September 14, 2018

Accepted: December 14, 2018